

С.А. Лиманова

**УБИТЬ СЛОВОМ.
ПЕТРОГРАДСКАЯ И МОСКОВСКАЯ ПРЕССА 1917–1918 гг.
О СУДЬБЕ ОТРЕКШЕГОСЯ ИМПЕРАТОРА И ЕГО СЕМЬИ***

*Еще горит, горит заря
На завоеванном просторе,
А призрак нового «царя»
Уже хохочет на престоле.
В. Воинов [Бич 1918]*

Аннотация. Статья посвящена анализу публикаций столичной прессы 1917–1918 гг. об отречении императора Николая II и о его семье. Среди представленных газет и журналов – «Правительственный вестник», «Утро России», «Речь», «Петроградский листок», «Правда», сатирический еженедельник «Бич» и др. Пресса не только стала «зеркалом» многих социально-политических процессов, но и в определенные моменты отражала сиюминутные изменения в общественных настроениях.

В статье прослежен путь от «информационного вакуума» первых дней революционных волнений до последующего потока противоречивых сведений, в свое время скорректированных в зависимости от социально-политической направленности изданий. Уделяется внимание произошедшим в результате борьбы за «информационное поле» изменениям в подаче материала и интерпретации недавних событий, постепенному угасанию внимания прессы к «царской теме». Отмечена также реакция современников на появившиеся время от времени новости о семье отрекшегося императора, а также интерпретация происходящего.

Проанализированы также способы закрепления в сознании уже сформированного негативного образа самодержавия, показаны особенности завершающего процесса десакрализации монархии. «Уничтожающие» новости в прессе появлялись параллельно другим мероприятиям – высмеиванию эпизодов из жизни царской семьи на театральных сценах и киноэкране, «сносу» памятников. Кроме того, проанализировано влияние всего процесса десакрализации монархии на конструирование идеологии и репрезентацию новой власти.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00080 мол_а.

В результате сделаны выводы о влиянии «газетных фактов» на сиюминутное и последующее отношение к судьбе расстрелянной царской семьи, на трансформацию восприятия самодержавия в целом. Кратко охарактеризована эволюция интереса к «царской теме».

Ключевые слова: Николай II; отречение; столичная пресса; судьба Романовых; репрезентация власти; десакрализация.

Лиманова Светлана Андреевна – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Архива РАН (АРАН), Россия, Москва.
E-mail: serovasvetlana@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

S.A. Limanova. To Bury Monarchy Under a Mountain of Words. Petrograd and Moscow Newspapers About the Destiny of the Abdicated Emperor Nicholas II and His Family Members

Abstract. *The article analyzes the publications in the metropolitan's press in 1917–1918 about the abdicated Emperor Nicholas II and his family members. Reviewing such newspapers as «Pravitelstvenny vestnik» («The Government Gazette»), «Utro Rossii» («The Morning of Russia»), «Rech'» («The Speech»), «Petrogradsky listok» («The Petrograd Leaflet»), «Pravda» («The Truth»), satirical weekly «Bich» («The Scourge») and others, the author argues that the press not only served as a mirror of many social and political processes that took place in the country but at times also began to reflect immediate changes in the public sentiment.*

The article follows the trajectory from the «information vacuum» of the first days of the revolutionary events to the subsequent flow of contradictory information, which was later often corrected according to the socio-political orientation of the publications. Occurring as a result of the struggle for the «information field», there were significant changes in the presentation and interpretation of the unfolding developments. Also highlighted is the reaction of contemporaries to occasional news about the family of the ex-Emperor.

As the author shows, the press of the time strove, by all possible means, to strengthen the negative image of the Russian autocracy, to desacralize it. «Humiliating» news in the press appeared in parallel with other events: the mocking theatrical and cinematic presentation of the episodes from the imperial family life, the destruction of imperial monuments, etc. At the same time, these campaigns served the interests of new ideology and the ways to represent power in the new state.

Tracing the evolution of interest in the «imperial topic» in Russia after 1917, the paper concludes that the «newspaper facts» were a major influence on the immediate and long-term public attitudes towards the destiny of the executed tsar's family and the perception of the monarchy in general.

Keywords: *Nicholas II; abdication; metropolitan press; destiny of the Romanovs; representation of power; desacralization.*

Limanova Svetlana Andreevna – Candidate of Historical Sciences,
Researcher at the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS),
Russia, Moscow. E-mail: serovasvetlana@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

На рубеже XIX–XX вв. столичная пресса играла роль основного источника новостей. Она служила «зеркалом» многих социально-политических процессов, а на непродолжительный период 1917–1918 гг. стала отражением сиюминутных изменений в общественных настроениях. Созданные с ее помощью «ассоциативные связи» зачастую оказывались настолько прочными, что их влияние продолжает сказываться до сих пор. Одним из наглядных примеров такого рода могут служить новости 1917–1918 гг. о судьбе отрекшегося императора Николая II.

Последняя «церемониальная» публикация, имеющая непосредственное отношение к Дому Романовых, датировалась 26 февраля¹ (11 марта) 1917 г. Тогда «Правительственный вестник» в разделе «Хроника» сообщал: «25-го февраля, накануне 72-й годовщины со дня рождения в Бозе почивающего Императора Александра III, в усыпальнице Русского Императорского Дома – Петропавловском соборе высокопреосвященным Сергием, архиепископом финляндским и Выборгским, была совершена заупокойная литургия, по окончании которой у гробницы в Бозе почивающего Императора была отслужена панихида <...>» [Правительственный вестник 1917, с. 2]. Номер с информацией о панихиде был последним; под этим названием газета – главный рупор царского правительства – больше не выходила².

На несколько дней жители столиц, а вслед за ними и всей империи оказались в информационном вакууме. Современник событий нумизмат А.В. Орешников оставил такие записи в дневнике: «Почти все газеты в Петрограде не вышли; причина мне неизвестна» (26 февраля); «Судя по газетам (“Русские ведомости”), политическое и общественное положения в Петрограде тревожны; приняты меры, подробностей не сообщают» (27 февраля); «Вообще слухов масса, но где правда? Газеты не выходили» (1 марта). И наконец, 2 марта: «Газеты вышли! Давно ожидаемая революция наступила; удар старому режиму нанесен <...>» [Орешников 2010, с. 107–108]. Другой очевидец событий, «средний москвич» Н.П. Окунев, писал в тот же день: «С 9,5 ч. утра до 1,5 ч. дня читал “Русск[ие] Ведом[ости]”, “Русск[ое] Слово”, “Утро России”,

---

1. Даты в статье указаны по старому стилю, при необходимости в скобках дается датировка по новому стилю.

2. Формат издания был востребован, поэтому с марта по октябрь 1917 г. выходил аналог «Правительственного вестника» – «Вестник Временного правительства», с октября 1917 по март 1918 г. – «Газета (Временного) Рабочего и Крестьянского правительства» (т.е. СНК), но идеологически это были уже совсем другие газеты.

“Раннее Утро”, “Моск[овский] Лист[ок]”. Кажется, что это было самое интересное чтение за все мои 48 лет» [Окунев 1997, с. 16].

«Да здравствует освобожденная Россия! Да здравствует Народное Правительство! Да здравствуют Армия и Флот!» – крупными буквами красовались заголовки в газете «Утро России» от 2 марта 1917 г. «Да здравствует свободная Россия!», – декламировал «Петроградский листок» 5 марта 1917 г., публикуя манифест об отречении императора Николая II. В манифесте речь шла о необходимости ведения войны до победного конца и сплочении народных сил: «В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть» [Петроградский листок 1917, с. 1]. Манифест печатался и перепечатывался в газетах и в виде отдельных оттисков, новость молниеносно распространилась в Петрограде и Москве.

«Уничтожение орлов и вензелей»

Рисунок из журнала «Лукоморье» [1917. № 12–13. С. 5].

Николай II отказывался от престола за себя и за своего сына, наследника Алексея, в пользу брата – великого князя Михаила Александровича: «Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины» [Петроградский листок 1917, с. 1].

Манифест был датирован 2 марта, а уже 3 марта последовало заявление (отказ от власти) великого князя Михаила Александровича, составленное, как сообщали газеты, Г.Е. Львовым, В.В. Шульгиным и А.Ф. Керенским: «Одущевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит все-народным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского» [Речь 1917, с. 2]. Вскоре в прессе стали появляться сообщения о других великих князьях, присягнувших Временному правительству.

На весну 1917 г. пришлось наибольшее количество газетных публикаций, посвященных царской семье. Под заголовками – «Последние часы царствования», «Последние дни старой власти», «Судьба династии» – рассказывались подробности произошедшего отречения. После того как 7 марта 1917 г. Временным правительством было принято решение об аресте бывшего царя и членов его семьи регулярными и популярными стали статьи «В Царском», «Николай II под арестом», «Лишение свободы Николая II», «Прогулки бывшего царя» и т.д. Тогда же впервые прозвучал лейтмотив возможного побега Николая Романова. Якобы он мог сбежать в Ливадию, поэтому повсеместно усиливались меры охраны [Утро России 1917; Утро России 1917; Утро России 1917 а]. В дальнейшем на страницах прессы высказывались также предположения о вероятном (или даже готовящемся) отъезде царской семьи за границу. Параллельно сатирические журналы, такие как «Бич», «Будильник», «Лукоморье», примеряли венценосный образ на простых обывателей, всячески обыгрывали тему «упавшей короны», «маленького царя» и т.д.

Изменения в расстановке политических сил потребовали более основательной проработки негативного образа Николая II. Все чаще появлялись публикации «Бывший царь», «Последний самодержец», в которых вспоминались неллицеприятные факты биографии отрекшегося императора, нелестно оценивались его внешний вид и особенности характера. Ему приписывали и слабоумие, и слабоволие, и неумение вести себя с подданными, и даже злоупотребление спиртными напитками. Пожалуй, единственным положительным качеством, в котором не отказывали бывшему царю, была его любовь к собственным детям. Однако и в семейной идиллии находились «темные пятна». Например, чрезмерное влияние супруги – императрицы Александры Фёдоровны.

О «слабохарактерности» и «внушаемости» Николая II было написано очень много: от подавляющего влияния отца, императора Александра III, до якобы имевших место интриг А.А. Вырубовой, близкой подруги императрицы. Не обошлось и без «темных сил у трона» во главе с Г.Е. Распутиным. Все «кулуарные сплетни» последних лет в одночасье буквально вылились на

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

страницы периодических изданий. Тема Распутина оставалась весьма ходовой – его убийство, похороны, проведение «спиритических сеансов», близость к царской семье. Чем больше новых деталей разгульной жизни Распутина публиковалось, тем бóльший интерес читателей это вызывало.

**Обложка журнала «Будильник». Подпись:
«В Англию. Голос в конце хвоста: – Ждешь, ждешь...
А ну, как билетов в кассе не хватит?»
[1917. № 11–12. С. 1].**

Из дневника Н.П. Окунева: «Событий так много, они так значительны и сюрпризны, что всего и не опишешь. Приходится быть кратким и многое даже совсем не записывать. (Теперь и не различишь при полной свободе печати и слова правду от выдумки.) <...> Про бывшего царя, его семью и двор пишут в газетах (а особенно в таких, как “Моск[овский] Листок”) разные гадости и сальности. Какие инстинкты разжигают, над кем смеются?» [Окунев 1997, с. 22]. Это же явление отмечал и осуждал еще один современник, писатель М. Горький: «Хохотать над больным и несчастным человеком [речь шла об издевках над болезненным состоянием бывшей императрицы Александры Фёдоровны, которая с трудом передвигалась самостоятельно. – С. Л.] – кто

бы он ни был – занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев назад относились к Романовым со страхом и трепетом, хотя и понимали – смутно – их роль в России» [Горький 1990, с. 71]³.

При непосредственном содействии прессы создавался «порочный круг»: публике требовались «пикантные подробности», газеты давали их, снабжая какими-то действительно реальными фактами, опубликованная информация воспринималась как «подтверждающая» всеобщие догадки. В процесс кристаллизации этого «порочного круга», помимо периодики, свою лепту вносили и другие «трансляторы», исправно работавшие в тот момент на потребу столичного зрителя: в театрах показывали сценки типа «Крах торгового дома Романов и Ко» или «Веселые дни Распутина», в кинотеатрах шли «сенсационные картины» «Темные силы – Григорий Распутин и его сподвижники», «Любовные похождения Гришки Распутина», «Таинственное убийство в Петрограде 16 декабря» и т.п. (Подробнее см.: [Лиманова 2017, с. 125–129].) Не отставали и всевозможные брошюры «разоблачительного» типа.

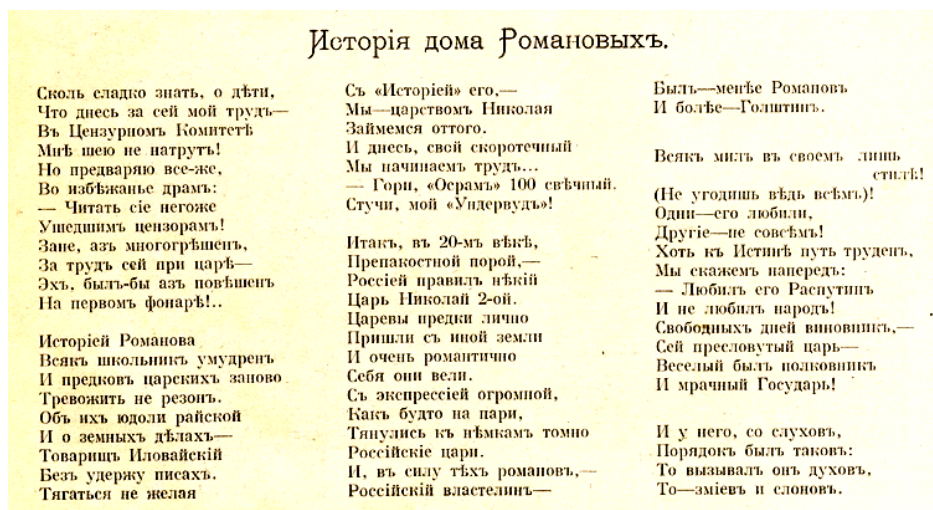
Все то, что раньше являло собой сплетни, толки или просто догадки, а при публичном произнесении запросто могло квалифицироваться как «преступное деяние против Священной Особы Императора и Членов Императорского дома» [подробнее см.: Колоницкий 2010], на глазах превращалось в «объективную историю» предреволюционных лет. «Грязная “литература” особенно вредна, особенно прилипчива именно теперь, когда в людях возбуждены все темные инстинкты и еще не изжиты чувства негодования, обиды, – чувства, возбуждающие месть, – писал М. Горький. – Нам следует помнить, что мы переживаем не только экономическую разруху, но и социальное разложение, всегда и неизбежно возникающее на почве экономического развала» [Горький 1990, с. 26].

Критически взглянуть на происходящее в тот момент было нелегко, но некоторые современники уже тогда интересовались наукой, получившей в наше время название «руморология» (наука о слухах). В личном фонде историка и политического деятеля С.П. Мельгунова сохранилась подборка вырезок из газет за 1917 г., посвященных Николаю II и Распутину [Материалы 1917; см. также: Мельгунов 2016; Мельгунов 2017]. В том, что из опубликованного тогда было правдой, а что вымыслом, – до сих пор разбираются специалисты. Не менее интересен для изучения и другой аспект – механизм превращения слухов в «газетные факты», а затем формирование из этих «фактов» картины мира целых поколений.

---

3. Заметки публиковались в газете «Новая жизнь» за 1917–1918 гг.

**Начало сатирического стихотворения Н. Агнцевца
«История дома Романовых», полностью опубликованного
в журнале «Лукоморье» [1917. № 14. С. 17].**

Проследить, как пресса воздействовала на восприятие происходящего, каким образом закреплялся в общественном сознании отрицательный образ отречшегося императора Николая II, можно, в частности, с помощью дневниковых записей, сделанных параллельно выходу периодических изданий. А.В. Орешников писал: «В сегодняшнем номере “Утра России” описан момент сообщения Николаю II о событиях, о его низложении и т.д.; очевидец (если нет преувеличения) рисует бывшего царя ничтожным человеком, что мне всегда казалось» (5 марта 1917 г.); в советских «Известиях» «<...> помещены выдержки из дневника Николая II тех дней, когда он должен был отречься от престола; содержание дневника характеризует его не очень умным человеком» (27 июля 1918 г.); «Если дневник Николая II, печатающийся в “Известиях” большевиков, не есть подделка (многие в этом уверены), то бывший царь был прямо глупый человек; надобно удивляться, как могла быть вверена власть над Россией такому ничтожеству» (28 июля 1918 г.) [Орешников 2010, с. 109, 168]. Причем два последних примера – результат преднамеренного «моделирования мнения», основанного на привлечении вполне достоверных, но выборочно представленных источников.

Большевики, в течение долгого времени занимавшиеся подпольной деятельностью наряду с другими революционными партиями, прекрасно знали силу слова. Вот почему они своевременно позаботились о введении фактической цензуры (хотя официально она так не называлась) для советской периодики. После Великой Октябрьской социалистической революции «буржуазные»

газеты выходили все реже, а затем и вовсе были закрыты. Большевицкая власть методично расчищала «информационное поле», монополизируя право на «информационный поток». Рупором новой власти стала газета «Правда», активно публикующая и разъясняющая «Декреты Советской власти», декларирующая новые права, новые отношения, новые праздники и т.д. Именно на страницах «Правды» появилась 6 (19) июля 1918 г. (т.е. через три дня после реального расстрела) «полная» и «достоверная» информация о событиях в Екатеринбурге.

Для того чтобы лучше понять степень влияния этой статьи на формирование общественного мнения, обратимся к событиям, предшествующим ее появлению. После бурной весны 1917 г. наступило затишье. Информация о судьбе отрекшегося императора и его семьи печаталась в газетах отрывочно и довольно лаконично. В августе 1917 г. стало известно, что бывшая царская семья вывезена из Царского Села по распоряжению Временного правительства. Затем сообщалось о том, что Романовы прибыли в Тобольск. В то же время под домашний арест попали великие князья – Михаил Александрович, Павел Александрович и Дмитрий Павлович. В апреле 1918 г. появились сведения о том, что бывший царь с семьей отправлен из Тобольска в Екатеринбург, туда же привезена из Москвы великая княгиня Елизавета Фёдоровна, сестра бывшей императрицы Александры Фёдоровны. В мае 1918 г. упоминалось о тяжелом состоянии здоровья бывшего наследника Алексея, а также о том, что члены семьи на какое-то время были разъединены: часть осталась в Тобольске, другая часть была перевезена в Екатеринбург. После этого распространились (но вскоре были опровергнуты) слухи сначала об убийстве Николая Романова, затем о якобы кончине Алексея. И уже в июле 1918 г. последовало официальное известие о смерти Николая Романова. В целом основные перемещения отрекшегося императора и членов его семьи до событий в доме Ипатьева в Екатеринбурге были известны, хоть и без подробностей. А вот дальше информация стала «дозированной», однако обширная статья в газете «Правда» умело скрыла это и, более того, была составлена так, что не оставляла места сочувственным взглядам.

««Нам нужен царь!» – провозгласил недавно словоохотливый Родзянко. Но когда чехословацкие друзья этого матерого помещика, уже освободившие Михаила Романова⁴, стали подбираться к бывшему венценосцу, чтобы выкрасть его из-под бдительного караула екатеринбургских пролетариев и, выкрасив рабочей кровью облезлую корону, снова водрузить ее на этой пустой голове, ружейные выстрелы оборвали жизненный путь Николая

---

4. Якобы имевший место «побег» великого князя Михаила Александровича был лишь предлогом для ужесточения режима содержания всех остальных Романовых, сам же великий князь был убит в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. в Перми.

Романова. Его больше нет, и как бы ни молились святые игумены о его здравии, ему уже не воскреснуть» – такими словами начиналась статья о расстреле бывшего царя [Правда 1918, с. 1]. Общий тон сообщения был уничижительным, о чем свидетельствуют и подбор лексики («матерый помещик», «облезлая корона», «пустая голова»), и недвусмысленные характеристики («фигура жалкая», «символ звериного режима крови и насилия над народом», «ставленник диких помещиков» и т.д.), и дальнейшие рассуждения о бесполезности его царствования. Подборка событий правления была составлена исключительно из отрицательных эпизодов: Ходынка, Кровавое воскресенье, проигрыш в Русско-японской войне, Азефовщина, деятельность Столыпина-вешателя, дело Бейлиса, развязывание мировой войны, шарлатанство Распутина и т.д. В некоторых случаях были нарушены причинно-следственные связи или даже допущены фактические ошибки (например, упоминалось о помазании на царство и Ходынской катастрофе при вступлении Николая II на престол в 1894 г.; однако если вступление на престол действительно произошло в 1894 г., то коронация состоялась двумя годами позже – в 1896 г.), но это никого не смущало. Расчет делался на негативный эмоциональный эффект.

**Рисунок из журнала «Будильник». Подпись внизу:
«Гражданин, возьмите и корону: она не нужна больше России»
[1917. № 11-12. С. 4].**

Общий посыл был предельно прост: свержение монархии – правильное дело, ее реставрация – недопустима. Причиной необходимости физического уничтожения отрекшегося императора назывались попытка бегства и последующего мятежа: «Мартовская революция убила самодержавие политически. Но когда его захотели воскресить, в Бозе был расстрелян физический носитель этого подлого “порядка”» [Правда 1918, с. 1]. Заключительное «пожелание» «вбить хороший осиновый кол в эту проклятую людьми могилу» – прямое указание на действенный путь борьбы с «нечистой силой». Однако между строк на протяжении всей статьи прочитывались опасения иного толка: именно «воскрешения» царского имени опасалась новая власть. Вот почему и в данной публикации, и в последующих (в частности, в выборочно опубликованных отрывках из царских дневников и переписки, о чем было сказано выше) делалось все возможное, чтобы окончательно лишить бывшего носителя верховной власти «ореола святости».

Реакция на такую подачу информационного материала была весьма предсказуемой. Из дневника А.В. Орешникова от 6 (19) июля 1918 г.: «В большевистских (другие не выходят) газетах напечатано о расстреле в Екатеринбурге 3/16 июля бывшего царя, ввиду создавшейся опасности его побега; бывшая царица и наследник отосланы в безопасное место. Любопытно, что я нигде не заметил ни возмущения, ни сочувствия!» [Орешников 2010, с. 165; см. также: Иоффе 1992; Булдаков, Леонтьева 2017]. Для нас любопытно еще и другое – гражданам сообщили только о расстреле Николая Романова. О судьбе других членов императорской семьи на протяжении длительного времени вся правда не раскрывалась, ходили только слухи. И лишь после развала Советского Союза на официальном уровне была подтверждена информация о жестоких убийствах других Романовых (императрицы, детей, великих князей и княгинь). В советский период «царская тема» была фактически табуированной, исключение делалось для особых исторических личностей, таких как Иван Грозный или Петр I, на что имелись свои причины.

«А по моему простодушному мнению, – писал Н.П. Окунев, несомненно сочувствовавший Николаю II как человеку (но не как политику), – на могиле Царя мученика не осина будет расти, а прекрасные цветы. И насадят их не руки человеческие, а совесть народная, которая выявит себя, если не в ближайшем будущем, то по прошествии времени <...>» [Окунев 1997, с. 202–203]. Спустя менее чем 100 лет маятник истории действительно качнулся в противоположную сторону, и высказывания подобного рода стали крайне популярными. Конъюнктурное восприятие личности последнего самодержца – как резко негативное, так и явно апологетическое – продолжает преобладать вплоть до настоящего времени, мешая непредвзято посмотреть на события вековой давности.

Анализ статей столичной прессы за 1917–1918 гг. о судьбе отречшегося императора и членов его семьи позволяет увидеть завершающий этап процесса десакрализации монархической власти, выявить способы поддержания отталкивающего образа самодержавия и его намеренного закрепления в общественном сознании. Этот процесс происходил параллельно созданию аналогичного отрицательного образа на киноэкране, а затем и «свержению» монархических памятников (подробнее см.: [Лиманова 2018, с. 918–926]). Максимально негативизированное информационное поле было проще «расчистить», после чего оно заполнялось новостями о новой, советской, символике, советских монументах, об организации и проведении советских торжеств и т.д. Сами же нелицеприятные слухи об императорской семье, превращенные в «газетные факты», оказались настолько живучи и невосприимчивы к критике, что пережили как объекты своих насмешек, так и самих «насмехателей».

Библиография

- Бич. 1918. № 4.
- Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты Русской революции. М.: ИстЛит, 2017. 617 с.
- Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918). М.: Сов. писатель, 1990. 394 с.
- Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 349 с.
- Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 657 с.
- Лиманова С.А. «Окончен романовский сеанс»: экранный образ Николая II в 1917 году // Революции в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории Нового и новейшего времени. Сборник избранных статей участников Седьмой международной научной конференции молодых ученых и специалистов. М.: РОССПЭН, 2017. С. 125–129.
- Лиманова С.А. Столичные памятники императорам и революция 1917 г.: коммеморативное противостояние // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. М.: Издательство АО «РДП», 2018. Часть 1. С. 918–926.
- Материалы по русской истории, собранные С.П. Мельгуновым (XVIII–XX вв., вырезки из газет): Николай II и Г. Распутин, 1917 г. // Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 647. Оп. 1. Д. 425.
- Мельгунов С.П. «Красный террор» в России. 1918–1923. М.: Вече, 2017. 445 с.
- Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения: историко-критические очерки. М.: Вече, 2016. 542 с.
- Окунев Н.П. Дневник москвича. М.: Воениздат, 1997. Т. 1: 1917–1920. 318 с.
- Орешников А.В. Дневник. 1915–1933. М.: Наука, 2010. Кн. 1: 1915–1924. 657 с.
- Петроградский листок. 1917. № 55.
- Правда. 1918. № 149.
- Правительственный вестник. 1917. № 46.
- Речь. 1917. № 55 (3797).
- Утро России. 1917. № 62.
- Утро России. 1917 а. № 68.

References

- Bich. 1918. N 4. (In Russ.)
- Buldakov V.P., Leontyeva T.G. 1917 god. Elity i tolpy: kulturnye landshafty Russkoi revoliutsii. [1917. Elites and crowds: cultural landscapes of Russian revolution]. Moscow: EastLitte, 2017. 617 p. (In Russ.)
- Gorky M. Nesvoevremennye mysli i rassuzhdeniia o revoliutsii i kulture (1917–1918) [Untimely Thoughts and Discussions about Revolution and Culture (1917–1918)]. Moscow: Sov. writer, 1990. 394 p. (In Russ.)
- Ioffe G.Z. Revoliutsiia i sudba Romanovykh [Revolution and Fate of the Romanovs]. Moscow: Republic, 1992. 349 p. (In Russ.)
- Kolonitsky B.I. «Tragicheskaia erotika»: obrazy imperatorskoi semi v gody Pervoi mirovoi voiny [«Tragic Erotic»: images of the imperial family during the First World War]. Moscow: New Literary Review, 2010. 657 p. (In Russ.)
- Limanova S.A. «Okonchen romanovskii seans»: ekrannyi obraz Nikolaia II v 1917 godu [«End of Romanov's session»: screen image of Nicholas II in 1917]. Revoliutsii v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktualnye problemy arkhografii, istochnikovedeniia, rossiiskoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni. Sbornik izbrannykh statei uchastnikov Sedmoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov [Revolutions in history. Historical Documents and Actual Problems of Archaeography, Source Study, Russian and General History of New and Modern Time. Collection of selected articles by participants of the Seventh International Scientific Conference of Young Scientists and Specialists]. Moscow: ROSSPEN, 2017. P. 125–129. (In Russ.)
- Limanova S.A. Stolichnye pamiatniki imperatoram i revoliutsiia 1917 g.: kommemorativnoe protivostoianie [Capital monuments to emperors and the revolution of 1917: Commemorative confrontation]. Stoletie Revoliutsii 1917 goda v Rossii. Nauchnyi sbornik [Centenary of the Revolution of 1917 in Russia. Scientific collection]. Moscow: Publishing house of the JSC «RDP», 2018. Part 1. P. 918–926.
- Materialy po russkoi istorii, sobrannye S.P. Melgunovym (XVIII–XX vv., vyrezki iz gazet): Nikolai II i G. Rasputin, 1917 g. [Materials on Russian history, collected by S.P. Melgunov (18–20 centuries, newspaper clippings): Nicholas II and G. Rasputin, 1917]. Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS)]. F. 647. Inv. 1. Case 425.
- Melgunov S.P. «Krasnyi terror» v Rossii. 1918–1923 [«Red Terror» in Russia. 1918–1923]. Moscow: Veche, 2017. 445 p.
- Melgunov S.P. Sudba Imperatora Nikolaia II posle otrecheniia: istoriko-kriticheskie ocherki [Fate of Emperor Nicholas II after abdication: historical and critical essays]. Moscow: Veche, 2016. 542 p.
- Okunev N.P. Dnevnik moskvicha [Diary of a Muscovite]. Moscow: Voenizdat, 1997. Vol. 1: 1917–1920. 318 p.
- Oreshnikov A.V. Dnevnik. 1915–1933 [Diary. 1915–1933]. Moscow: Nauka, 2010. Book 1: 1915–1924. 657 p.
- Petrogradskij listok. 1917. N 55.
- Pravda. 1918. N 149.
- Pravitel'stvennyi vestnik. 1917. N 46.
- Rech'. 1917. N 55 (3797).
- Utro Rossii. 1917. N 62.
- Utro Rossii. 1917 a. N 68.